

ИНСТИТУТ НАУЧНОГО АТЕИЗМА (1964–1991)¹

Институт научного атеизма (ИНА) Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС был создан в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 2 января 1964 г.² В качестве основных направлений его деятельности определялись:

- координация и руководство всей научной работой в области атеизма, проводимой институтами Академии наук СССР, высшими учебными заведениями и учреждениями Министерства культуры СССР;
- подготовка кадров высшей квалификации;
- организация комплексной разработки актуальных проблем научного атеизма;
- проведение общесоюзных научных конференций и творческих семинаров.

Основу творческого коллектива института составили переведенные в него научные сотрудники институтов философии, истории, этнографии АН СССР. В последующие годы он пополнялся специалистами из других научных и учебных заведений (в основном, московских). Время от времени для работы в институте оставлялись выпускники его аспирантуры, успешно защитившие кандидатские диссертации. Среди них – профессора нынешней кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС Л.А. Баширов и Р.А. Лопаткин.

Первым директором института стал А.Ф. Окулов (1908–1993), до этого занимавший должность заместителя директора Института философии (ранее – секретарь Хабаровского крайкома КПСС). Его заместителем по научной работе был П.К. Курочкин (1925–1981), по проблемам практики атеистической работы – В.И. Евдокимов (1923–1969). П.К. Курочкин двумя годами ранее закончил аспирантуру по кафедре философии АОН и был оставлен на ней в должности доцента. До назначения в институт В.И. Евдокимов работал в ЦК КПСС.

¹ Также см.: *Шахнович М.М.* Отечественное религиоведение 20–80-х годов XX века: От какого наследства мы отказываемся // *Шахнович М.М.* Очерки по истории религиоведения. СПб., 2006. С. 181–197.

² О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения // *Партийная жизнь.* 1964. № 2.

В 1977–1981 гг. институт возглавлял П.К. Курочкин; в 1981–1990 гг. – В.И. Гараджа, работавший с 1970 г. заместителем директора; в 1990–1991 г. – Э.Г. Филимонов.

Из определенных ИНА функций главное место занимала *научно-исследовательская работа*. В число основных научных направлений входили:

- философские проблемы научного атеизма и критики религии;
- особенности вероучений, социальной позиции и деятельности религиозных организаций в СССР;
- социология и психология религии и атеизма;
- религия и атеизм за рубежом; религия в современной идеологической борьбе;
- теория и практика атеистического воспитания;
- религия и атеизм в политической истории и культуре общества.

Исследовательская работа в основном сосредоточивалась в *тематических проблемных группах*, в которые входили штатные сотрудники института, а также специалисты из других научных учреждений и вузов страны. Работа велась в форме постоянно действующих семинаров, «круглых столов», научных конференций (в том числе всесоюзных и международных) и завершалась, как правило, публикацией сборников или коллективных монографий. В случаях особой политико-идеологической важности разрабатывавшейся проблемы готовилась докладная записка для соответствующего отдела ЦК КПСС. Количество и тематика проблемных групп менялись по мере завершения исследования той или иной проблемы.

Основным научным изданием института был журнал «Вопросы научного атеизма» (ВНА), выходявший с 1966 г. по 1989 г. двумя выпусками в год тиражом в среднем 20 тыс. экз. (в этой связи было прекращено издание «Вопросов истории религии и атеизма» Института истории АН СССР и Ежегодника Ленинградского музея истории религии и атеизма). В «Вопросах...» публиковались статьи как работников Института, так и сотрудничавших с ним отечественных и зарубежных специалистов. Всего вышло 39 выпусков^{*1}. Около половины из них носят монографический характер, посвящены определенной теме. Стремясь полнее учитывать запросы читателей, редакция журнала организовывала очные и заочные читательские конференции (см., например, выпуск 15 ВНА.).

После того как издание журнала прекратилось в связи с расформированием в конце 1991 г. Академии общественных наук, а в ее составе – и института, в рамках созданной на ее базе Российской академии управления (РАУ) была предпринята попытка наладить выпуск историко-философского религиоведческого журнала «Диспут», однако трагическая гибель его главного редактора Ю.Б. Пищика не позволила сделать этот журнал систематическим (вышли три номера, еще четыре вышли с грифом журнала, но к нему не имели отношения).

Другим важным изданием института была серия «Научно-атеистическая библиотека», в которой публиковались работы отечественных и зарубежных историков, философов и политических деятелей XVIII – начала XX вв., посвященные во-

^{*1} Опись опубликованных материалов см. в Приложении 1 (настоящий выпуск часть 3).

**ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КОМИТЕТ ПО СВОБОДЕ СОВЕСТИ, ВЕРОИСПОВЕДАНИЯМ, МИЛОСЕРДИЮ
И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Москва, Дом Советов России

Краснопресненская наб., д. 2

22 сентября 1992г. 7.18. 1115

Ректору Российской Академии
Управления ТИХОНОВУ Р.Е.

Уважаемый Ростислав Евгеньвич!

Прежде всего хотел бы положительно оценить ту работу, которая проводится РАУ в области религиоведения. Выпускаемые под эгидой Академии издания - бюллетень "Религии в современном мире" и новый журнал "Диспут", - без сомнения, играют важную роль в информировании органов власти о религиозной ситуации в стране и в мире.

Обращаюсь к вам с пожеланием продолжить эту деятельность и включить в план научно-исследовательских работ Гуманитарного и Политологических центров РАУ изучение философских, нравственно-культурологических, исторических и социально-политических аспектов роли и места религии и церкви в современном мире. Полагаю, что результаты этих исследований могут стать важным подспорьем в работе законодательных и исполнительных органов власти, внешнеполитических ведомств. В частности, считаем, что расширение анализа зарубежных публикаций и материалов, связанных с подготовкой форума "Двухтысячелетие христианской культуры"/Рим, май 1993 г./ окажет помощь российской делегации на этом представительном мероприятии, а также других важных встречах, форумах, конференциях.

Считаю также желательной встречу в ближайшее время членов нашего Комитета ВС РФ с религиоведами, политологами, социологами РАУ по названной проблематике.

Председатель Комитета

 В. Полосин

просам религии, свободомыслия и атеизма. Среди них Шарль де Бросс, П. Шелли, Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, Н.А. Радищев, П.Л. Лавров, Д.И. Писарев, Г.В. Плеханов, Н.М. Никольский, А.В. Луначарский, П.А. Красиков и др. В 1988 г. в этой серии опубликован сборник «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков», а годом позже – «Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии». Сегодня издания этой серии представляют значительный интерес с точки зрения истории европейского и отечественного религиоведения и атеизма.

Совместно с Институтом научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР в 1975–1991 гг. институт издавал реферативные сборники в серии «Проблемы религии и атеизма за рубежом» под общей редакцией заместителя директора ИНИОН М.П. Гапочки и заместителя директора (с 1981 г. – директора) Института научного атеизма В.И. Гараджи. В сборниках публиковались переводные статьи и рефераты крупных работ зарубежных ученых и теологов, дающие представление о философских и социологических аспектах функционирования и эволюции религии, свободомыслия и атеизма в странах Европы и Америки. В разные годы вышли сборники «Эволюция религии и секуляризация» (1976), «Идеализм и религия» (1977), «Эволюция идей II Ватиканского собора» (1987), «Методологические проблемы современного религиоведения» (1990), «Современные зарубежные исследования в области философской теологии» (1991) и др. В виде приложений в них давались справочные материалы об организациях и общественных движениях, связанных с религией и свободомыслием за рубежом. Сборники издавались с грифом «ДСП» («для служебного пользования»), однако научные работники и аспиранты с их помощью имели возможность получать представление о наиболее важных явлениях и процессах в теологии и религиоведении за рубежом.

В 1968–1990 гг. институт выпускал «Информационный бюллетень» с периодичностью от четырех до шести номеров в год. В нем публиковались материалы о деятельности самого института, институтов Академии наук СССР и академий наук союзных республик, кафедр высших учебных заведений, учреждений Министерства культуры СССР и других научно-атеистических центров, а также о конференциях и семинарах научных работников и пропагандистов атеизма, о новых книгах, брошюрах, статьях, диссертациях по теории и практике атеистического воспитания. Значительное место на страницах бюллетеня занимали материалы социологических исследований, которые организовывал институт.

С изменением социально-политической обстановки в стране и общественно-научных проблем менялся и бюллетень. Так, в 1989–1990 гг. он выходил под названием «Информационный бюллетень по материалам зарубежных средств массовой информации» (вышло 11 номеров); при этом в 1990 г. два последних номера выходили под названием «Религия в СССР и в современном мире: Информационный бюллетень по материалам зарубежных средств массовой информации».

С 1993 г. бюллетень стал выпускаться в прежнем формате и выходил под названием «Религия в современном мире: Информационно-аналитический бюллетень по материалам зарубежных средств массовой информации (журнал

«Диспут»)» (издано четыре номера). В 1994–1996 гг. выпущено восемь номеров бюллетеня с названием «Религия, Церковь в России и за рубежом: Информационный бюллетень». С 1997 г. бюллетень стал именоваться «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень» (вышло 42 номера), а с 2008 г. он стал ежеквартальным научным информационно-аналитическим, культурно-просветительным журналом «Религия, Церковь в России и за рубежом»².

Начальный период научно-исследовательской деятельности института был отмечен решением двух важных вопросов.

Во-первых, был осуществлен обстоятельный обзор важнейших трудов по вопросам религии и атеизма, вышедших в свет за годы советской власти. Тем самым подводился итог предшествовавшему этапу работы в этой области и обозначалась точка отсчета к будущему. Публикация приурочивалась к 50-летию Октябрьской революции³. Сегодня это чрезвычайно ценный источник для изучения истории отечественного религиоведения.

Во-вторых, в поле внимания института находился вопрос о предмете научного атеизма. В «Вопросах научного атеизма» ему посвящено несколько статей, опубликованных в порядке дискуссии. Первая из них – статья Н.А. Горбачева, в которой научный атеизм трактовался как одна из специальных философских наук, предметом которой являются общие закономерности возникновения и эволюции религиозного сознания и процесса формирования научно-материалистического мировоззрения в борьбе с религией⁴. Ему оппонировал Т. Стойчев, с точки зрения которого научный атеизм – не философская, а частная наука⁵. Религия в ее специфических аспектах является предметом исследования таких отраслей науки, как социология религии и история религии.

Близкую к Н.А. Горбачеву позицию занимал М.П. Новиков, но одним из первых он выдвинул идею, что предметом научного атеизма является не только критика религии, но и позитивные аспекты самого атеизма как атрибута научно-материалистического мировоззрения⁶. Идея позитивного содержания научного атеизма была поддержана П.К. Курочкиным.

Навязывание религиоведению термина «научный атеизм» отражало целевую идеологическую установку КПСС, состоявшую в том, что конечной задачей и смыслом исследования религии является оптимизация процесса ее преодоления, утверждение в сознании людей материалистического, атеистического мировоззрения. Позднее, в конце 80-х гг. XX в., когда давление официальной идеологии существенно ослабло, получила права гражданства очевидная истина, что наука, объектом исследования которой является религия, есть *религиоведение*. Следует от-

² Опись опубликованных материалов см. в Приложении 1 (настоящий выпуск часть 3).

³ Исследование проблем атеизма и религии в советской науке // Вопросы научного атеизма (далее – ВНА). 1967. Вып. 4: Победы научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет. С. 183–444.

⁴ Горбачев Н.А. К вопросу о предмете теории научного атеизма // ВНА. 1966. Вып. 1.

⁵ Стойчев Т. Относительно предмета научного атеизма // Там же. 1968. Вып. 5.

⁶ Новиков М.П. О предмете научного атеизма // Там же. 1973. Вып. 15.

метить, что эту мысль еще в 1967 г. высказал Ю.В. Крянев⁷, реагируя на упомянутую выше статью Н.А. Горбачева.

Так, будучи атрибутом диалектико-материалистического мировоззрения, научный атеизм являлся философско-мировоззренческой, методологической основой исследовательской деятельности института.

В настоящее время наибольший интерес и ценность представляют осуществленные институтом в сотрудничестве с внештатными специалистами исследования в области философии, социологии и истории религии, составляющие основной комплекс религиоведческой проблематики.

Общий обзор *философских проблем религиоведения* был представлен в статье А.Д. Сухова⁸. Современные тенденции в католической и протестантской теологии и философии рассматривались в работах Б.Э. Быховского, Л.Л. Ватуевой, В.И. Гарраджи, Ю. Грудзеня, В.Я. Минкявичюса, А.И. Сидорченко и других авторов⁹. Религиозно-философским исканиям и концепциям в России посвящены публикации в «Вопросах научного атеизма» М.П. Гапочки, М.М. Григорьяна, В.Я. Дудкина, А.Ф. Замалева, Л.В. Полякова, Л.А. Чухиной и других¹⁰. Различные аспекты религиозного учения об истине – предмет критического анализа Г.А. Габинского, С.И. Иваненко, Г.А. Курсанова и других¹¹.

Основное внимание сотрудников института было сосредоточено на изучении *состояния религиозности, идеологии и деятельности религиозных организаций в СССР*. Русскому православию, исламу, протестантизму, католицизму были посвящены многочисленные статьи, сборники, тематические выпуски «Вопросов научного атеизма», авторские и коллективные монографии.

В 60–70-е гг. XX в. активно разрабатывалась идея *модернизации религии*, прежде всего русского православия. Опираясь на официальные документы религиозных

⁷ Крянев Ю.В. Атеистические исследования // Вопросы философии. 1967. № 5. С. 155.

⁸ Сухов А.Д. Философские проблемы изучения религии // ВНА. 1969. Вып. 7. С. 21–37.

⁹ Быховский Б.Э. Религия перед судом разума (к 250-летию со дня рождения И. Канта) // ВНА. 1975. Вып. 17. С. 200–229; Ватуева Л.Л. Секуляризация современного мира в интерпретации «новой теологии» (на материалах США) // Там же. 1976. Вып. 19. С. 213–228; Гарраджа В.И. Протестантизм. М., 1971; Грудзень Ю. Томизм и современность // ВНА. 1975. Вып. 17. С. 135–150; Минкявичюс Я.В. Новые тенденции в католической философии // Там же. 1967. Вып. 6. С. 49–85; Сидорченко А.И. Социально-исторические условия и идеологические предпосылки формирования «диалектической теологии» // Там же. 1975. Вып. 18. С. 251–267.

¹⁰ См.: Гапочка М.П. Уроки богоискательства // ВНА. 1980. Вып. 25. С. 186–204; Григорьян М.М. К характеристике религиозно-философской концепции славянофильства // Там же. 1970. Вып. 10. С. 130–148; Дудкин В.Я. Проблема интерпретации творчества Достоевского в современной религиозно-философской литературе // Там же. 1989. Вып. 39. С. 21–43; Замалеев А.Ф. К вопросу о становлении и развитии философской мысли Киевской Руси // Там же. 1982. Вып. 30. С. 135–152; Поляков Л.В. Христианизация и становление философии в Киевской Руси // Там же. 1985. Вып. 32. С. 268–292; Чухина Л.А. Проблемы веры и неверия в религиозно-философских исканиях Ф.М. Достоевского // Там же. 1974. Вып. 16. С. 145–168.

¹¹ См.: Габинский Г.А. Об имманентной критике религии // ВНА. 1967. Вып. 3. С. 64–83; Иваненко С.И. К вопросу о понятии «религиозная вера» // Там же. 1980. Вып. 26. С. 283–296; Курсанов Г.А. Критика теологических концепций истины // Там же. 1974. Вып. 16. С. 125–144.

организаций, высказывания духовных лидеров, публикации в конфессиональных изданиях и т.д., ученые делали вывод, что Русская Православная Церковь, другие религиозные организации от позиции лояльности к советской власти делают следующий шаг: стремятся сблизить социальные и нравственные идеалы религии и коммунизма, вносят соответствующие духу времени коррективы в толкование догматов (см.: ВНА. 1966. Вып. 2: Модернизация религии в современных условиях). Распространенные среди атеистов утверждения, что эти богословские новшества есть всего лишь «приспособленчество церковников», расценивались как легковерное заблуждение. «Перестройка религии и Церкви на современном этапе – это сложное социальное явление, обусловленное коренными сдвигами в общественной жизни страны», в ее небывалом социальном и научном прогрессе, что оказывает глубокое воздействие на сознание верующих» (Там же. С. 19). Что же касается сущности модернизации религии, то она, по мнению П.К. Курочкина, «не есть выражение ее силы, ее оживления и подъема, напротив, это есть проявление ее *закономерного упадка*. В то же время модернизация является и своеобразным “протестом” против этого упадка, формой *самозащиты религии* в период ее глубокого кризиса» (с. 17).

Нет оснований подвергать сомнению справедливость тезиса об определенных изменениях в социально-этических позициях части духовенства в тот период. Можно предположить также, что в какой-то мере он был навеян католическим «аджорнаменто» (II Ватиканский собор 1962–1965 гг.). Однако после того как советская, атеистическая по своим идеологическим установкам партийно-государственная система прекратила существование, становилось все более очевидным, что теоретические положения о закономерном упадке религии и попытках ее модернизации как средстве противостояния этому упадку не вполне состоятельны. Высказывания в духе «коммунистического христианства» прекратились, что было естественно. Жесткие ограничения деятельности религиозных организаций в повседневных условиях «реального социализма», провозглашенная КПСС коммунистическая перспектива, в которой места религии нет вообще, не могли восприниматься как нечто созвучное с христианским социально-нравственным идеалом. Официальные заявления представителей иерархии и некоторых богословов об их близости на самом деле были предназначены для «внешнего потребления», являлись своего рода «данью» за возможность деятельности Церкви, но не находили отклика в среде духовенства.

Тем не менее и сегодня представляют значительный научный интерес исследования русского православия XX века П.К. Курочкина, Н.П. Красникова, а также публикации в «Вопросах научного атеизма» сотрудничавших с Институтом Н.С. Гордиенко, М.П. Новикова и др.¹²

¹² Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. М., 1971; Красников Н.П. Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев, 1987; Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. // ВНА. 1969. Вып. 7. С. 313–340; Новиков М.П. О модернизации религиозной идеологии (Освещение современного православия в атеистической литературе) // ВНА. 1966. Вып. 1. С. 415–425.

Исследования христианского сектантства (Э.Г. Филимонов, Г.С. Лялина, И.А. Малахова, А.Н. Ипатов, а также внештатные сотрудники Института А.И. Клибанов, Л.Н. Митрохин и др.) не ограничивались официальными текстами Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) и публикациями в издаваемом этим советом «Братском вестнике». Они опирались на более обширную и репрезентативную базу – неподцензурные издания, доверительные беседы с пасторами и рядовыми членами протестантских общин и т.д.¹³, поэтому они более содержательны, конкретны и аргументированны.

Именно изучение протестантских общин позволило ввести в религиоведческий лексикон в 60–70-е гг. XX в. понятие «религиозный экстремизм». Однако его содержание в те времена принципиально отличалось от сегодняшнего. В 60–80-х гг. под религиозным экстремизмом понимались действия отдельных верующих, их групп, общин, выходящие за дозволенные советским законодательством рамки, но являвшиеся реализацией неотъемлемых прав человека в сфере свободы совести. Речь идет о религиозном образовании детей, миссионерской и благотворительной деятельности и т.п. Подобные деяния подлежали уголовному преследованию. В качестве наиболее последовательных и непреклонных носителей так понимаемого экстремизма в те десятилетия выступали «инициативники» – довольно многочисленная группа евангельских христиан-баптистов, отколовшаяся от официально признанного руководящего центра (ВСЕХБ) и возглавлявшаяся Г.К. Крючковым и Г.П. Винсом. Религиозный экстремизм того периода, принимая порой вид религиозно-политического протеста, не выливался в акты насилия и террора в отношении представителей официальной власти, это был экстремизм обороны, защиты своих неотъемлемых прав.

В конце 70-х гг. была предпринята попытка выстроить научно обоснованную типологическую структуру религиозных объединений. Применительно к сектантским организациям в ней были выделены четыре типологические группы. Первые две представляли собой более или менее ясно выраженные объединения собственно сектантского характера с присущим им отрицательным отношением к миру, ко всему, что лежит за пределами религиозных общин, с эсхатологической ориентацией вероучения и поведения. Для третьей группы характерна утрата традиционных для сектантства черт и превращение в своеобразные «оцерковленные секты» – *деноминации*. Наконец, дальше всех по степени оцерковления, институционализации шагнул Союз ЕХБ¹⁴. Итак, хотя термин «церковь» пока еще не применен ни к одной протестантской организации, принципиальная возможность этого обозначилась.

¹³ Эволюция христианского сектантства в СССР // ВНА. 1979. Вып. 24; Филимонов Э.Г. Христианское сектантство и проблемы атеистической работы. Киев, 1981; Лялина Г.С. Баптизм: иллюзии и реальность. М., 1977; Малахова И.А. Духовные христиане. М., 1970; Ипатов А.Н. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., 1978; Клибанов А.И., Митрохин Л.Н. Раскол в современном баптизме // ВНА. 1967. Вып. 3. С. 84–110.

¹⁴ О содержании понятия «религиозное сектантство» в условиях социалистического общества // ВНА. 1979. Вып. 24. С. 14–41.

Что касается ислама, то в силу ряда обстоятельств (сравнительно меньшая численность последователей, периферийность распространения по территории Союза, слабая проповедническая активность малограмотного в своей массе духовенства) он пока не вызывал серьезной озабоченности политического руководства государства. В то же время борьба против «религиозных пережитков» – ни административная, ни идейная – в условиях массового участия населения (открытого и скрытого) в религиозных обрядах, глубоко вплетенных в национальный быт, не могла быть сколько-нибудь действенной. Сказывался и кадровый дефицит в области исламоведения, в том числе и в Институте научного атеизма. Вследствие этого публикаций по исламоведческой тематике, подготовленных в институте в 60–70-е гг., было значительно меньше, чем по христианству. К тому же значительную, если не преобладающую, долю среди них составляли работы по зарубежному исламу, дававшие достаточную пищу для религиозных и религиозно-политологических исследований. Заметным событием стало издание в 1978 г. монографии старшего научного сотрудника института Г.М. Керимова «Шариат и его социальная сущность». Десятитысячный тираж разошелся за несколько недель.

Тема ислама возникала обычно в контексте проблематики интернационального воспитания населения. В 1973 г. институт принял участие в совещании идеологических работников автономных республик, областей и краев Северного Кавказа, где, в частности, обсуждались вопросы соотношения национальных и религиозных аспектов в исламе, влияния процесса интернационализации на преодоление религиозных пережитков и т.д. По материалам совещания была подготовлена книга «Опыт и проблемы интернационального и атеистического воспитания: из практики партийных организаций краев, автономных республик и областей Северного Кавказа» (М., 1976). Той же теме в 26-м выпуске ВНА (1980) был посвящен раздел «Интернационализм и атеизм». Сквозная идея статей раздела – сближение наций и народностей СССР на основе общих для советских людей черт и интересов служит залогом успеха атеистического воспитания. При этом, однако, подчеркивалось: «Было бы глубоко ошибочным понимать процесс интернационализации и атеизации общественной жизни как нивелировку, стандартизацию... Соединение национального с общесоветским, интернациональным и атеистическим, превращение национального в общесоветское не означает растворения национального. Такое соединение есть придание самой природе национального новых, интернациональных черт и оттенков, что является объективным и неизбежным процессом»¹⁵.

Отношение к проблемам исламоведения и положению ислама в стране изменилось в связи с резким ростом политической активности мусульманских организаций в странах Ближнего и Среднего Востока, вызванным исламской революцией в Иране в 1979 г. Немалую опасность, как выяснилось со временем, несло в себе непосредственное соприкосновение советских военнослужащих с мусульманскими радикалами в Афганистане, куда были введены наши войска в 1978 г. Обеспо-

¹⁵ Мустафаева М.Г. Межнациональное общение, интернационалистское и атеистическое воспитание // ВНА. 1980. Вып. 26. С. 65–66.

коенность государственного руководства вызывала опасность распространения радикальных политических настроений среди определенной части мусульманского духовенства и населения в республиках Средней Азии и Кавказа.

Секретариат ЦК КПСС 20 июня 1979 г. принял постановление «Об изучении теории и практики современных мусульманских религиозно-политических движений». В октябре того же года институт провел круглый стол на тему «Актуальные проблемы изучения современного ислама» с участием ученых из Средней Азии, Казахстана, с Кавказа и Поволжья. По результатам обсуждения в соответствующие отделы ЦК были направлены аналитические записки, в том числе «Роль мусульманского духовенства в событиях в Иране» – в Международный отдел.

В 1983 г. вышли в свет два издания, подготовленные институтом: тематический 31-й выпуск ВНА «Современный ислам и проблемы атеистического воспитания» и «Ислам в СССР: особенности процесса секуляризации в республиках Советского Востока». В изданиях, наряду с обычными указаниями на лояльное отношение официально зарегистрированного мусульманского духовенства к советскому государству, отмечалось, что со стороны незарегистрированных служителей культа порой проявляются националистические настроения, слышатся утверждения о нравственном превосходстве мусульманских народов, встречаются попытки незаконной организации строительства мечетей, группового изучения детьми Корана, подстрекательства молодежи к уклонению от службы в армии и т.д. Указывалось на экстремистские проявления вожаков мюридских братств, действующих на Северном Кавказе, культивирующих сословно-родовые отношения, пытающихся возродить шариатские суды.

В конце 80-х гг. XX в. возникла тема ваххабизма, появившегося в некоторых районах Таджикистана и Узбекистана во второй половине 70-х гг., но остававшегося малоизвестным в силу конспиративного характера деятельности его приверженцев. В статье «О так называемом ваххабизме», опубликованной в Информационном бюллетене Института научного атеизма (1988. № 20. С. 26–29), указывалось, что местный ваххабизм не имеет ничего общего с ваххабизмом в Саудовской Аравии, где он является официальной государственной идеологией и представляет собой крайне реакционное религиозно-политическое, националистическое течение, а его активисты выступают против социалистического строя, призывают мусульман «освободиться от гнета неверующих», обвиняют лояльно относящихся к советской власти мулл и ишанов в потворстве атеистическому государству и т.п.

С конца 70-х гг. в регионах традиционного распространения ислама при методической помощи института начинают проводиться социологические исследования. Так, в начале 80-х гг., когда в стране начали появляться миссионеры и адепты «религий нового века», мистических культов, когда в связи с этим в институт поступали многочисленные запросы от партийно-идеологических работников, пропагандистов атеизма о том, «что это такое» и «как с этим поступать», была создана проблемная группа по исследованию современных форм мистицизма и новых религиозных движений (руководитель – В.Ф. Миловидов). В состав этой группы вошли религиоведы, культурологи, психологи, представители других научных специаль-

ностей. Был проведен ряд теоретических обсуждений различного формата. Результаты исследований публиковались, в частности, в «Вопросах научного атеизма»¹⁶.

Теоретический анализ идеологии и деятельности религиозных организаций в стране дополнялся систематически проводившимися институтом *социологическими исследованиями* состояния и тенденций религиозности населения, различных социально-демографических групп. Такое совмещение теоретического и эмпирического уровней религиозоведческих исследований позволяло обеспечивать комплексный подход к явлениям и процессам в религиозной жизни.

В середине 60-х гг. XX в. в исследовании религиозности на обыденном уровне делались лишь первые шаги¹⁷. Созданная для этого лаборатория, преобразованная в 1983 г. в отдел, организовывала обсуждения таких теоретических вопросов социологии религии, как структура религиозного сознания и поведения личности, критерии и типология религиозности, секуляризационные процессы, перевод общих понятий, обозначающих различные феномены религиозной веры, на уровень операциональных определений, разрабатывала программы и инструментарий исследований, готовила кадры для полевой работы. Этим вопросам были посвящены работы Д.М. Угриновича, Р.А. Лопаткина, В.Г. Пивоварова и др.¹⁷

Базой для проведения исследований служили опорные пункты института, действовавшие практически на всей территории СССР (их количество никогда не сокращалось ниже 20). Они представляли собой исследовательские группы из преподавателей вузов, сотрудников научно-исследовательских институтов, пропагандистов научного атеизма, работавшие под руководством территориального партийного органа (отдела пропаганды и агитации обкома, горкома КПСС) и самого института.

Опорные пункты обеспечивали, с одной стороны, профессиональное влияние института на местные кадры, с другой – служили источником социологической

¹⁶ Современные нетрадиционные формы религии и мистики // ВНА. 1985. Вып. 32. С. 46–163; Мистицизм: проблемы анализа и критики // Там же. 1989. Вып. 38; *Девина И.В.* Мистицизм и религия (обзор советской литературы) // Там же. 1989. Вып. 39. С. 252–277.

¹⁷ Так, в 1959–1961 гг. группой сотрудников Института истории СССР под руководством А.И. Клибанова были осуществлены научные экспедиции в Тамбовскую, Липецкую, Воронежскую области для изучения старых форм русского сектантства. Примерно в то же время группа аспирантов (в их числе И.Н. Яблоков, Н.П. Алексеев, Т.Г. Гайдурова) кафедры научного атеизма МГУ им. М.В. Ломоносова также изучала религиозность, в частности в Орловской области. Несмотря на то, что по ограниченности охвата, по применявшимся методам эти экспедиции носили характер, свойственный, скорее, социально-психологическим исследованиям, все же их опыт был чрезвычайно полезен.

¹⁷ *Угринович Д.М.* О специфике и структуре религиозного сознания // ВНА. 1966. Вып. 1. С. 36–67; *Андреанов Н.П., Лопаткин Р.А., Павлюк В.В.* Особенности современного религиозного сознания. М., 1966; *Лопаткин Р.А.* Процесс секуляризации в условиях социализма и его социологическое исследование // К обществу, свободному от религии. М., 1970. С. 7–24; *Иванов А.С., Пивоваров В.Г.* Социологическое исследование религиозной общины (методика и результаты). М., 1971; *Пивоваров В.Г.* На этапах социологического исследования (Теория и практика социологических исследований атеизма и религии). Грозный, 1974.

Материалы конференций, посвященных психологии религии, критериям религиозности и типологии верующих, были опубликованы в тематическом выпуске см.: «Психология и религия (ВНА. 1971. Вып. 11)» и в «Информационном бюллетене» Института (1968. № 2; 1969. № 4, 5).

информации для него самого. Для координации деятельности опорных пунктов в институте составлялись сводные (годовые и перспективные) планы их работы, систематически проводились совещания, на которых обсуждались теоретические, методические и организационные вопросы социологических исследований, а также их результаты. Для оказания методической помощи опорным пунктам была разработана «Типовая методика изучения религиозных проявлений и состояния атеистического воспитания в городе, районе, трудовом коллективе» (1984). Стенограммы совещаний, материалы наиболее представительных и качественно выполненных исследований публиковались в изданиях института. Многие работники опорных пунктов в институте защитили диссертации.

В 1968 г. в Пензенской области институтом было проведено исследование «Процесс секуляризации в условиях социалистического общества». Оно явилось первым в стране исследованием религиозности, репрезентативным в масштабах области. Его результаты опубликованы в коллективной монографии «К обществу, свободному от религии» (М., 1970). В последующие годы под руководством сотрудников института В.Г. Пивоварова, Р.Л. Лопаткина, Л.А. Баширова и других аналогичные исследования были проведены в Ставропольском крае, Дагестане, Чечено-Ингушетии, в районах Узбекистана и Таджикистана и в других регионах страны¹⁸.

Планировалось в течение 1974–1980 гг. подготовить и провести выборочные социологические исследования уровня и характера религиозности населения в районах Средней Азии, Закавказья, Молдавии, Юга Украины, Прибалтики, в Чечено-Ингушской и Марийской АССР, в ряде областей Центрально-Европейского региона и Поволжья. Предполагалось также создать в институте единый всесоюзный банк данных социологических исследований, составить карты религиозности Западной Украины, Белоруссии, Поволжья, Северного Кавказа, а также отдельных областей¹⁹. Однако в силу большой затратности этих исследований и нехватки кадров эти планы реализовать не удалось. Тем не менее с ИНА связано начало репрезентативных, систематически проводимых социологических исследований религиозности в различных регионах страны. Удалось осуществить серию повторных исследований тех же объектов с определенным временным интервалом, что позволяло выявить тенденции, характерные для массового религиозного сознания, изменения отношения населения к религии.

Материалы социологических исследований, полученные Институтом и его опорными пунктами, дали основание для двух принципиально важных выво-

¹⁸ Результаты исследований см., в частности: Опыт и проблемы интернационального и атеистического воспитания: Из практики партийных организаций краев, автономных республик и областей Северного Кавказа. М., 1976; О результатах социологического исследования в регионах традиционного распространения ислама // Информационный бюллетень [ИНА]. 1988. № 20. С. 3–19; Состояние религиозности и атеистического воспитания в регионах традиционного распространения ислама (Материалы конкретно-социологических исследований 1985–1986 гг.). М., 1989.

¹⁹ Пивоваров В.Г. О некоторых перспективах развития социологических исследований в опорных пунктах Института научного атеизма (Материалы для обсуждения на совещании руководителей опорных пунктов 24–25 января 1974 г.). М., 1974.

дов. Во-первых, было выявлено, что уровень религиозности населения страны в конце 60-х – в 70-е гг. XX в. был значительно выше, нежели это представлялось партийно-идеологическому руководству страны. Во-вторых, не было оснований говорить о религии как «пережитке прошлого».

Социологические исследования конца 70-х – начала 80-х гг. фиксировали стабилизацию уровня религиозности населения, а в отдельных случаях его рост, омоложение возрастной структуры верующих, повышение уровня их образования, увеличение доли мужчин в религиозных общинах. Материалы исследований позволяли сделать вывод о формировании нового типа верующих – относительно молодых, социально активных, с достаточно высоким уровнем образования. Их религиозность выражалась как глубоко осознанная и активно отстаиваемая мировоззренческая позиция²⁰.

Одним из важных и относительно самостоятельных направлений в работе института было изучение *религии и религиозных организаций за рубежом*, их роли в политических процессах в различных странах, регионах и в мире в целом. Ряд работ носил обобщающий характер и был посвящен роли религии в мировых общественно-политических процессах²¹.

В конфессиональном плане наибольшее внимание уделялось католицизму и его религиозно-политическому центру – Ватикану. В частности, II Ватиканскому собору был посвящен тематический 6-й выпуск «Вопросов научного атеизма» (1968), в котором анализировались предпосылки его созыва, проблематика, ход развернувшейся дискуссии и, главное, итоговые документы. Различные аспекты католической теологии и философии, социальной доктрины Римо-католической Церкви были рассмотрены в публикациях Л.Н. Великовича, Ф.Г. Овсиенко, И.Б. Ястребова²². Относительно меньшее место в исследованиях и публикациях института занимали проблемы протестантизма²³ и зарубежного ислама²⁴.

В указанных работах появлялись традиционные для тех десятилетий пропагандистские штампы относительно «кризиса религии» в развитых капиталистических странах, клерикальной фальсификации марксистского понимания свободы совести и положения верующих в социалистических странах и т.п. Однако существенно иное: в работах, вышедших в свет с середины 70-х гг., не только констатировалось

²⁰ Верующий в условиях перестройки (динамика духовно-нравственных ориентаций). М., 1989.

²¹ Религия и церковь в современную эпоху. М., 1976; Религия и церковь в капиталистических странах. М., 1977; ВНА. 1985. Вып. 33: Религия и политика; ВНА. 1987. Вып. 36: Религия и политика.

²² Религия и церковь в современную эпоху. М., 1976; Религия и церковь в капиталистических странах. М., 1977; ВНА. 1985. Вып. 33: Религия и политика; ВНА. 1987. Вып. 36: Религия и политика.

²³ *Гараджа В.И.* Протестантизм. М., 1971; *Лютер Г.* Современная протестантская теология в ФРГ // ВНА. 1980. Вып. 26. С. 223–236; *Минкявичюс В.Я.* М. Лютер и Реформация // Там же. 1985. Вып. 32. С. 166–184.

²⁴ ВНА. 1983. Вып. 31 (Раздел 1: Социально-политические проблемы идеологии современного ислама); *Ионова А.И.* Ислам в Юго-Восточной Азии: проблемы современной идейной эволюции. М., 1981; *Она же.* Современный ислам и панисламизм // ВНА. 1989. Вып. 39. С. 120–139; *Керимов Г.М.* Ислам и его влияние на общественно-политическую жизнь народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1982; *Он же.* Проблемы войны и мира в исламе // ВНА. 1983. Вып. 31. С. 148–162.

возрастание роли религиозного фактора в сфере политики, но и подчеркивалась необходимость исследования его конкретных исторических, актуальных политических, региональных и конфессиональных условий и обстоятельств. Указывалось, что религиозные идеи и идеалы, в силу их абстрактной формы, могут быть использованы в разных политических интересах – «от крайне правых, фашиствующих, террористических режимов и сил до радикальных реформаторов, искренне верящих в возможность социальных преобразований на религиозной основе»²⁵. В частности, идеи ислама могут использоваться политической реакцией, но они же могут быть знаменем борьбы за национальное освобождение и социальную справедливость, за демократию, за мир²⁶.

Выдвижение в то время на передний план таких общечеловеческих проблем, как угроза термоядерной войны и гибель мировой цивилизации, экологический кризис, негативные последствия научно-технической революции, усугубление бездуховности и т.п., объективно требовали взаимодействия и сотрудничества всех людей, независимо от их мировоззрения, верующих и неверующих.

Кроме того, отказ религиозных организаций от безусловной поддержки капитализма и отторжения коммунистических идей, поиск более гибких позиций, учитывающих изменения, происходящие в мире, создавали базу для диалога христиан и марксистов. «Для марксистов небезразличны выступления некоторых религиозных организаций в защиту мира, с критикой существующего капиталистического строя, поддержка левыми церковными кругами борьбы трудящихся за социальную справедливость и национальную независимость»²⁷.

Тема диалога марксистов и христиан была всегда актуальной для института. Его ведущие сотрудники участвовали во встречах с христианскими религиозными деятелями (главным образом католиками) за рубежом с обсуждением насущных проблем современности. Проблеме диалога и сотрудничества был посвящен ряд публикаций отечественных и зарубежных авторов в «Вопросах научного атеизма»²⁸. Тема получила дополнительный импульс к обсуждению в связи с тем, что состоявшееся в 1969 г. в Москве Международное совещание коммунистических и рабочих партий высказалось за развитие сотрудничества «коммунистов с широкими демократическими массами католиков и верующими других религий» в борьбе против

²⁵ Митрохин Л.Н. Религия и политика // ВНА. 1985. Вып. 33. С. 23–24.

²⁶ Мчедлов М.П. Религия и политика: традиционное и новое // ВНА. 1987. Вып. 36. С. 11.

²⁷ ВНА. 1975. Вып. 18. С. 4.

²⁸ Прудлик С. Политическое сотрудничество марксистов и христиан в ГДР // ВНА. 1968. Вып. 5. С. 323–335; Андреев М.В. «За» и «против» диалога // Там же. 1968. Вып. 6. С. 374–411; Курпакова Л.П. Осуществление в ГДР ленинского принципа сотрудничества марксистов и верующих // Там же. 1973. Вып. 14. С. 323–332; Кучинский Я. Некоторые вопросы диалога марксистов и христиан // Там же. 1975. Вып. 18. С. 283–296; Нюнка В.Ю. Современные левокатолические течения и проблемы сотрудничества с ними коммунистов // Там же. 1976. Вып. 20. С. 251–266; Клор О. Проблемы сотрудничества марксистов и христиан в ГДР // Там же. 1987. Вып. 36. С. 191–200; Ярошевский Т.М. Социальная доктрина католицизма и проблемы сотрудничества марксистов и верующих в ПНР // Там же. 1987. Вып. 36. С. 221–232; Французские коммунисты о диалоге с католиками (переводы текстов) // Информационный бюллетень [ИНА]. 1970. № 6.

сил империализма, за глубокие социальные преобразования²⁹. Практически во всех публикациях отмечалось, что политическое сотрудничество и диалог верующих и неверующих является исторической необходимостью во имя консолидации сил в борьбе против ядерной угрозы, за мир, социальную справедливость и демократию. Существующие между ними мировоззренческие различия не должны препятствовать такому сотрудничеству. Более того, польский ученый Я. Кучинский видел возможность углубления диалога между верующими и неверующими, перевода его с политического уровня на так называемый гуманистический и затем – к «диалогу истины». Предметом первого является человек, его развитие в условиях формирования действительно «гуманистического содружества», примером которого, по его мнению, может являться социалистическая Польша. Реальная возможность такого диалога подкрепляется и тем, что в католической доктрине наблюдается эволюция в сторону человека как вершины и центра всего сущего. Предметом «диалога истины», протекающего в форме «дискуссии научного характера», могли бы стать онтологические и антропологические проблемы.

Исходя в сущности из аналогичного понимания перспективы развития диалога, религиовед из ГДР О. Клор утверждал, что мировоззренческая проблематика не может выходить за его пределы. Несмотря на то что в основном вопросе философии сближение позиций марксистов и христиан невозможно, а потому чрезмерное увлечение философской полемикой «не всегда оправдано», тем не менее, правомерен поиск того, в какой степени совпадают или могут совпадать марксистские и религиозные ценностные представления.

Публикации, посвященные теме сотрудничества верующих и неверующих, диалогу марксистов и христиан не только в странах «буржуазного Запада», но и в странах социалистического содружества, в частности, Польше и в ГДР³⁰, не могли не вызывать у советского думающего читателя вопроса: а что же у нас? Что означают запретительные нормы законодательства в отношении религиозных организаций и верующих, негласные ограничения для верующих возможностей продвижения по службе, избрания в депутаты и т.д.? Вряд ли могли всерьез восприниматься декларации о морально-политическом единстве советского народа применительно к его религиозной части, о нерушимом блоке коммунистов и беспартийных и т.п.

Среди сотрудников института понимание необходимости диалога верующих и неверующих было естественным. Тогда оно не могло реализоваться в каких-либо организационных формах, однако многие из них поддерживали личные контакты с представителями духовенства, богословами разных вероисповеданий. В 1988–1990 гг., как только появились первые признаки либерализации, в институте были проведены встречи с представителями различных конфессий. В мае 1991 г. инициатива института о проведении совместных рабочих встреч-семинаров по проблемам государственно-церковных, межнациональных и межконфессиональных отноше-

²⁹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы (Москва, 5–17 июня 1969 г.). М., 1969. С. 310.

³⁰ ВНА. Вып. 5, 6, 14, 18, 20, 36 и др.; Информационный бюллетень [ИНА]. 1970. № 6.

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
**ОТДЕЛ ВНЕШНИХ
ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ**

113191 Москва, Даниловский вал, 22
Данилов монастырь, ОНЦ
Телефон 235-04-54

№ 1243

MOSCOW PATRIARCHATE
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
HOLY SYNOD
**DEPARTMENT FOR EXTERNAL
CHURCH RELATIONS**

Danilov Monastery,
Danilovsky Val 22, Moscow 113191
Telephone: 235-04-54

28 мая 1991

Исполняющему обязанности директора
Института религиоведения Академии
общественных наук при ЦК КПСС
доктору философских наук,
профессору Филимонову Э.Г.

Уважаемый Эдуард Геннадьевич!

В процессе контактов Института религиоведения АОН при ЦК КПСС и Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата родилась идея проведения рабочих встреч-семинаров по проблемам церковно-государственных, межнациональных и межконфессиональных отношений с участием сотрудников обоих учреждений.

В связи с вышеизложенным Отдел внешних церковных сношений выражает готовность направлять своих представителей для участия в подобных встречах в соответствии с программой, выработанной обеими сторонами.

С уважением

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОТДЕЛА
ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
МИТРОПОЛИТ СМОЛЕНСКИЙ И КАЛИНИНГРАДСКИЙ

ний была поддержана председателем Отдела внешних церковных сношений митрополитом Кириллом (его письмо на имя и.о. директора Института религиоведения Э.Г. Филимонова от 28 мая 1991 г. за № 1243).

Историческая проблематика в исследованиях и изданиях Института религиоведения (далее ИР) занимала сравнительно скромное место. Были проведены две крупные конференции: «Актуальные проблемы истории религии и атеизма в свете марксистско-ленинской науки» (Ленинград, 1971 г.; на основе ее материалов был подготовлен тематический 20-й выпуск ВНА); «Православие в истории России» (Владимир, 1986 г.; материалы опубликованы в 37-м тематическом выпуске ВНА). Исторической тематике посвящен также 25-й выпуск «Вопросов...».

Особенность подхода сначала Института научного атеизма, а затем Института религиоведения к исторической проблематике состояла в том, что религия и Церковь рассматривались в целостном контексте духовно-идеологических процессов в жизни общества, включая свободомыслие и атеизм. «Решение вопроса о роли и месте религии и, соответственно, о месте атеизма, свободомыслия в историческом процессе – комплексная задача», – говорилось в авторском предисловии к 20-му выпуску «Вопросов научного атеизма» (с.15).

Учитывая специфику возложенных на институт задач, «уход в историю» мог бы показаться непозволительной роскошью. Его цель представлялась вполне актуальной: «Борьба со всякого рода буржуазными фальсификаторами истории... полемика с православной апологетикой русского исторического процесса...» (ВНА. 1980. Вып. 25. С. 6). Участие в названных и других подобных научных мероприятиях института крупных историков из институтов АН СССР (А.П. Окладникова, Б.Б. Пиотровского, С.А. Токарева, Я.Н. Щапова, Л.Р. Полонской, А.Г. Кузьмина, В.А. Кучкина и др.) позволило ему не сбиться на тон шумной пропагандистской «тусовки», сохранить уровень серьезной науки.

Непосредственно связанными с исторической тематикой были вопросы об отношении к памятникам религиозной культуры и шире – о соотношении *культуры и религии*. В изданиях института они рассматривались как на материале конкретных вероисповеданий (преимущественно русского православия и отчасти католицизма), так и в общетеоретическом плане³¹. Наиболее полно и разносторонне комплекс этих проблем представлен в 30-м тематическом выпуске ВНА (1982).

³¹ *Ипатов А.Н.* Ленинские идеи об отношении к культурному наследию прошлого // ВНА. 1976. Вып. 29; *Кочетов А.Н., Рыбина М.А.* Реалистические традиции в иконописи и творчестве русских художников второй половины XIX в. // Там же. 1985. Вып. 32. С. 293–310; *Меликова В.Д.* Мирская проблематика в религиозной живописи древней Руси // Там же. 1968. Вып. 5. С. 137–156; *Михновский В.Д.* Проблема взаимоотношений искусства и религии в работах молодого К. Маркса // Там же. 1989. Вып. 39. С. 4–20; *Пищик Ю.Б.* Отношение к культурному наследию прошлого как социально-историческая проблема // Там же. 1982. Вып. 30. С. 61–78; *Рашкова Р.Т.* Политика Ватикана в области культуры // Там же. 1986. Вып. 34. С. 95–117; *Узринович Д.М.* Религиозное искусство и его противоречия // Там же. 1975. Вып. 17. С. 87–101; *Он же.* Культура и религия (Некоторые теоретические проблемы) // Там же. 1982. Вып. 30. С. 8–29; *Шмидт С.О.* О критериях оценки исторических памятников // Там же. 1976. Вып. 20. С. 88–103.

С точки зрения методологии подхода к проблемам взаимоотношения культуры и религии показательными являлись статьи Д.М. Угриновича, Ю.Б. Пищика и С.О. Шмидта. В основном, они придерживаются единой марксистско-ленинской позиции (хотя формулировали ее с большей или меньшей степенью последовательности). Суть позиции: религия – исторически необходимый элемент культуры, при определенных условиях (например, в феодальном обществе) она становится доминантой в сфере духовной культуры. При этом для нее специфично то, что из двух элементов, свойственных культуре, – репродуктивного, т.е. воспроизведения уже достигнутого, и творческого, – в ней преобладает первый (см.: *Угринович Д.М.* Вып. 30. С. 18). Оценивать роль религии в духовной культуре следует с учетом того, что она включает в себя два компонента: некое «ядро», т.е. комплекс идей и представлений, обращенных к сверхъестественному, и «сопутствующие» элементы – архитектурные сооружения, произведения искусства, литературы и т.д. Последние, в отличие от «ядра», выполняют не только собственно религиозные, но и эстетические, этические, общественные функции (см.: *Шмидт С.О.* Вып. 20. С. 88–91).

В связи с этим обретал актуальность вопрос об отношении к памятникам культуры религиозного назначения и оценке соответствующей практики советской власти, особенно в первые десятилетия ее существования. Этот вопрос был в центре внимания статьи Ю.Б. Пищика. Признавая факты уничтожения «отдельных памятников прошлой культуры», он, во-первых, выступал против преувеличения его масштабов, во-вторых, утверждал, что в условиях острой классовой борьбы неизбежен «революционный максимализм» пролетариев, обращавших свой гнев против врагов социализма и стоявшей на их стороне Церкви. В качестве методологического принципа отношения к культуре прошлого автор принимает высказывание В.И. Ленина по поводу пролеткульта – о том, что в задачу социалистического государства входит развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мировоззрения марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры (Вып. 30. С. 63).

По сути, тот же односторонний, партийно-классовый подход демонстрирует в этом вопросе и Д.М. Угринович – один из наиболее серьезных, вдумчивых религиоведов того времени. Разрывая в структуре религии ее «ядро» и «сопутствующие» ему элементы, противопоставляя их друг другу, он отрицал ее позитивное влияние на развитие человеческой личности, что должно служить основным критерием оценки религии (с. 23).

В то же время получил право на существование и более широкий взгляд на данную проблему. «Мы уже очень далеки от имевшего место в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. вульгаризаторского подхода, когда во имя необходимого и справедливого обличения контрреволюционеров-церковников и борьбы с религией в ряде случаев пострадали и ценные памятники религиозного искусства... – писал С.О. Шмидт. – Интерес к памятникам культуры, забота о сохранении подлинного великого наследия всегда являются показателем уровня развития культуры» (с. 102, 103).

Разумеется, в деятельности института весьма значительное место занимала разработка вопросов *атеистического воспитания*, его содержания, организации, кадрового обеспечения. Собственно, таково было его изначальное предназначение. ЦК КПСС придавал этому направлению идеологической работы важное значение как одному из факторов формирования у граждан научного мировоззрения, построения общества, свободного от религии. Созданная в институте проблемная группа, в которую, наряду с его штатными сотрудниками, вошли партийные работники разного уровня, пропагандисты, в течение ряда лет занималась теоретической разработкой *системы атеистического воспитания*. Результаты ее деятельности были опубликованы в 1970 г. в ВНА (Вып. 9).

Понятие «система атеистического воспитания» определялось как совокупность трех основных компонентов: 1) идейно-теоретического содержания атеистической работы; 2) организационных мероприятий, направленных на решение основных задач этой работы; 3) методических форм и приемов работы.

В качестве главного объекта воспитательного воздействия рассматривалась молодежь, поскольку, как считалось, таким образом можно добиться постепенного сокращения воспроизводства религиозности в новых поколениях. Решению этой задачи призваны были способствовать, в частности, преподавание «Основ научного атеизма» в вузах и внедрение в культурно-бытовую сферу безрелигиозных обрядов и праздников.

Занятия данной проблематикой, будучи выполнением «партийного поручения», несомненно, отвечали убеждениям, личной позиции большинства сотрудников института. Но при этом важно иметь в виду, что они не были враждебно настроены к религии как таковой и к верующим. Научная добросовестность, исследовательский интерес естественным образом вызывали у них серьезное, не зависящее от идеологической конъюнктуры отношение к предмету профессиональной деятельности.

Для них были неприемлемы грубые наскоки, нетерпимость в отношении к верующим и духовенству, нетерпение в достижении «общества, свободного от религии». В первом же выпуске ВНА, вышедшем в свет в 1966 г., в статье директора института говорилось: «Мы должны... покончить с примитивным представлением о религии как изобретении обманщиков, которое еще существует в головах некоторых работников и порой служит теоретическим обоснованием порочной практики администрирования в отношении верующих»³².

Принципиальная позиция, которую занимали сотрудники института, состояла в том, что религия – это закономерное явление общественно-исторического процесса, духовной жизни человека, поэтому ее преодоление «в социалистическом обществе не сводится только к идеологической работе, ... оно зависит от развития, совершенствования социалистических обществен-

³² ВНА. 1966. Вып. 1. С. 13.

ных отношений»³³. В этой связи важна не столько пропагандистская деятельность, сколько вовлечение людей в активное участие в различных областях общественной жизни.

Что же касается собственно атеистической пропаганды, – то она не должна сводиться к «голому отрицанию» религии. «Все стороны духовной жизни человека так или иначе были в прошлом связаны с Церковью и религией. И главное, религия давала хотя и антинаучное, но определенное, всеохватывающее мировоззрение. Преодоление религии, таким образом, не простое ее отрицание. Это замена антинаучного мировоззрения научным, консервативных традиций – новыми, высвобождение здоровых народных традиций и привычек из религиозной оболочки», – говорилось в статье А.Ф. Окулова³⁴. В статье, посвященной 70-летию декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованной в «Правде», он подчеркивал: «Наши задачи позитивны: утверждать научное, материалистическое мировоззрение, тот реальный гуманизм, согласно которому подлинным творцом истории является народ...» (Правда. 1988. 02 февр.) Идея позитивного содержания научного атеизма активно обсуждалась в институте в 60-е гг., что нашло отражение на страницах ВНА (Вып. 1, 5, 15 и др.).

На заседании Ученого совета института 12 января 1979 г. с повесткой «О постановке научно-атеистического воспитания в современных условиях» в центре обсуждения находилась целесообразность ослабления «слишком жесткой и прямолинейной связи» процесса утверждения позиций атеизма с политикой КПСС, что придает ему характер политической кампании. Основная мысль участников дискуссии сводилась к тому, что следовало бы избегать «выпячивания» роли партии в этом процессе, рассматривать его как закономерное следствие социального и культурного прогресса общества.

В этой связи получила новое звучание идея позитивного содержания научного атеизма, энтузиастом которой являлся П.К. Курочкин, возглавивший институт в 1977 г. На 1977–1990 гг. было запланировано издание 4-томного труда «Социализм и атеизм: общество господствующего научно-материалистического мировоззрения», в котором предполагалось осуществить концептуальную разработку ее различных аспектов. Однако уход из жизни П.К. Курочкина и, главное, то, что такая работа объективно уводила большую часть сотрудников института от исследования предмета, который составлял содержание их профессиональной деятельности, не позволили данному проекту реализоваться.

Функция *руководства и координации всей научной работой* в области атеизма в стране, возложенная на институт постановлением ЦК КПСС от 2 января 1964 г., естественно, не могла быть осуществлена в полной мере. При институте был создан Совет по координации научно-исследовательской работы в области атеизма и религии, в который, наряду с его ведущими сотрудниками, входили представители других академических институтов, крупнейших универ-

³³ Там же. 1967. Вып. 3. С. 9.

³⁴ Там же. 1967. Вып. 4. С. 449–450.

ситетов, а также Идеологического отдела ЦК КПСС. Однако Совет собирался нерегулярно. Сводный координационный план научных исследований в области религии и атеизма (обычно 5-летний) составлялся путем регистрации сообщений, поступавших от научных учреждений страны, без предварительного согласования. Кроме того, время от времени собирался Объединенный научный совет АН СССР и АОН при ЦК КПСС по координации исследований в области атеизма. Так, в июле 1973 г. его заседание было посвящено проблеме «Научно-техническая революция и религия». Совет, в частности, обратил внимание институтов и кафедр вузов, осуществляющих подготовку аспирантов по научному атеизму, на необходимость разработки тематики, связанной с научно-технической революцией³⁵.

Еще более существенно то, что институт оказывал косвенное влияние на проблематику научных исследований в стране и в определенной степени на их теоретический уровень, приглашая специалистов к сотрудничеству, к участию в проводимых им конференциях, публикуя перечни актуальных тем для исследований, делая обзоры защищенных в стране диссертаций по специальности «научный атеизм», формируя тематику своего основного издания – журнала «Вопросы научного атеизма» и т.д.

Институт держал в поле внимания состояние преподавания основ научного атеизма в высшей школе. Уже в сентябре 1965 г., т.е. спустя год с небольшим после начала работы, им была подготовлена записка в ЦК КПСС «О научном уровне и практической ценности учебных пособий по основам научного атеизма для высших учебных заведений». В качестве существенных недостатков отмечалось, что многим из них присущи уход в прошлое, отождествление роли религии и Церкви в эксплуататорском и социалистическом обществах, слабый учет новых тенденций в религиозной идеологии, сведение процесса модернизации к приспособленчеству духовенства; отмечалось, что не уделяется должное внимание позитивному содержанию научного атеизма. В 1973 г. институт выпустил в свет тематический номер журнала «Вопросы научного атеизма» (Вып. 15) – «Научный атеизм в высшей школе», подготовленный по материалам Всесоюзного совещания преподавателей курса «Основы научного атеизма», созванного Министерством высшего и среднего специального образования. На совещании с докладами выступили А.Ф. Окулов и П.К. Курочкин. По инициативе министерства было принято решение о создании нового учебника для вузов «Научный атеизм» (авторский коллектив возглавил А.Ф. Окулов).

В 1975 г. совместно с Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Объединенным научным советом АН СССР и АОН при ЦК КПСС по координации исследований в области атеизма институт провел совещание заведующих кафедрами научного атеизма вузов, посвященное вопросам состояния и координации научно-исследовательской работы на кафедрах. На тот период в стране курс научного атеизма преподавался более чем в 500 вузах, рабо-

³⁵ См.: Борисов Ю.П. Научно-техническая революция и религия // ВНА. 1974. Вып. 16. С. 272–275.

тало 20 специализированных кафедр. Участникам совещания для обсуждения были предложены подготовленные институтом основные направления исследований на 1976–1980 гг., которые могли быть осуществлены в сотрудничестве с кафедрами. (Материалы совещания опубликованы в вып. 19 ВНА.)

В 80-е гг. координирующая роль института в научной и учебной работе вузовских кафедр стала заметно слабее. К ее выполнению подключилась кафедра истории и теории атеизма МГУ им. М.В. Ломоносова.

Роль Института научного атеизма как ведущего центра теоретической разработки проблем религиоведения возросла с созданием его межреспубликанских филиалов в Киеве (1978), Ташкенте и Вильнюсе (не позднее 1982 г.). Опираясь на сформированные там коллективы специалистов, институт получил возможность активизировать и углубить разработку важных научных проблем. В Киевском филиале (руководитель А.С. Онищенко) ведущими направлениями были: исследование состояния религиозности и эффективности научно-атеистической работы, теоретическая и организационно-методическая разработка системы социалистической обрядности; критика клерикального антикоммунизма и вопросы атеистической контрпропаганды. В Ташкентском филиале (руководитель А.А. Кучкаров) основное внимание уделялось изучению состояния религиозности сельского населения, в основном мусульманского. В Вильнюсском филиале (руководитель С.В. Крауялис) в центре внимания были деятельность Римо-католической Церкви на территории Литовской ССР и вопросы антиклерикальной пропаганды. Имея межреспубликанский статус, филиалы способствовали развитию сотрудничества специалистов, работающих в соседних республиках.

Одним из важнейших направлений деятельности института являлась подготовка кадров высшей квалификации через аспирантуру и докторантуру. В соответствии с порядком, действовавшим в АОН, в очную аспирантуру института принимали главным образом работников партийных комитетов (обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, горкомов крупных городов). По окончании аспирантуры вопрос о месте работы выпускников (как правило, с повышением) решался кадровым отделом ЦК КПСС. Значительная их часть сразу или через некоторое время переходила на научную или преподавательскую работу. За весь период существования института его аспирантуру окончили более 120 человек, было защищено около 200 кандидатских (включая соискателей) и около 40 докторских диссертаций^{*4}.

Существенной особенностью организации исследовательской работы аспирантов было их подключение к решению научных проблем, которые разрабатывал институт. Аспирантской группе одного года поступления нередко поручалась разработка какой-либо крупной комплексной темы, например, процесс секуляризации массового сознания в советском обществе; свобода совести как предмет исторического и философского исследования; религия как фено-

*4 См. Приложение 2 (настоящий выпуск часть 3).

мен культуры и т.п. В рамках постоянно действующего семинара аспиранты и их научные руководители обсуждали концепцию исследования, доклады по основным разделам диссертаций. Итогом такой работы обычно становилась коллективная монография.

Институт развивал творческие связи с зарубежными коллегами. Его ведущие сотрудники (А.Ф. Окулов, В.И. Гараджа, В.И. Евдокимов, В.И. Тимофеев, Р.А. Лопаткин и др.) неоднократно участвовали во всемирных философских и социологических конгрессах: VII Международном социологическом конгрессе (Варна, 14–20 сентября 1970 г.); XV Всемирном философском конгрессе (Варна, 17–22 сентября 1973 г.); VIII Всемирном социологическом конгрессе (Торонто, 19–24 августа 1974 г.) и др.

Более активным и широким было сотрудничество Института с родственными ему по статусу религиозными центрами в странах социалистического содружества: Институтом научного атеизма Чехословацкой академии наук, Отделом вероисповедной политики и религиоведения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП, Сектором атеизма Института философии Академии наук Болгарии, Институтом философии Венгерской академии наук, Институтом философии Академии общественных наук при ЦК СЕПГ и др.

На научных конференциях, организуемых ими с интервалом в два-три года, обсуждались методологические проблемы религиоведения и научного атеизма³⁶; теоретические и прикладные вопросы социологии религии, динамики религиозности населения и секуляризационных процессов в странах социалистического содружества³⁷; ведущие тенденции в идеологии основных христианских конфессий Европы (особенно – философско-теологические и социально-политические аспекты документов II Ватиканского собора); католическое «аджорнаменто» в контексте борьбы буржуазной и коммунистической идеологий; перспективы диалога и сотрудничества коммунистов и христиан в борьбе за ядерное разоружение и установление более справедливого миропорядка.

В 1975 г. в Москве состоялся симпозиум ученых из стран социалистического содружества (НРБ, ВНР, ГДР, СРР, ЧССР и СССР) «Атеизм и религия в современной борьбе идей», организованный Институтом научного атеизма, Объединенным научным советом АН СССР и АОН при ЦК КПСС, секцией общественных наук Президиума АН СССР, Отделом преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования. Материалы этого научного форума были изданы в виде коллективной монографии³⁸. Специалисты из стран социалистического содружества регулярно выступали на

³⁶ См.: *Стойчев Т., Цветков П.* Теоретическая разработка проблем научного атеизма в Болгарии // ВНА. 1967. Вып. 3; *Мыслек В., Новачик М.* Религиоведение в Народной Польше // Там же. 1973. Вып. 14; и др.

³⁷ ВНА. 1970. Вып. 9; 1981. Вып. 27.

³⁸ Атеизм и религия в условиях социалистического общества // ВНА. 1977. Вып. 21.

страницах изданий института. Был осуществлен ряд совместных (двусторонних и многосторонних) изданий³⁹. В Институте прошли защиты около 30 кандидатских диссертаций аспирантов из стран социалистического содружества (Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Чехословакии) и двух докторских диссертаций.

Состоявшаяся в апреле 1988 г. в преддверии празднования 1000-летия Крещения Руси встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с постоянными членами Священного Синода Русской Православной Церкви явилась знаком важных перемен в вероисповедной политике власти. В Совете по делам религий с участием ряда сотрудников института начались консультации по разработке принципиальных положений нового закона о свободе совести. В декабре 1988 г. в АОН прошел организованный руководством института круглый стол на тему «Проблемы свободы совести в условиях демократизации советского общества». В нем приняли участие представители почти всех наиболее значительных религиозных организаций страны, в том числе постоянные члены Священного Синода Русской Православной Церкви митрополит Ювеналий (Полярков) и архиепископ Кирилл (Гундяев), редактор официального издания ВСЕХБ журнала «Братский вестник» В.Г. Куликов, председатель республиканского совета Церкви АСД в РСФСР М.П. Кулаков, председатель литургической комиссии Римо-католической Церкви Литвы ксендз В.А. Алюлис и другие религиозные деятели.

Дискуссия развернулась, главным образом, по трем вопросам: о фактическом равенстве верующих и неверующих граждан СССР во всех сферах общественной жизни; о правовом статусе религиозных организаций; о равенстве возможностей атеистической и религиозной пропаганды в условиях провозглашенного в стране плюрализма мнений. Выступавшие указывали на то, что действующее с 1929 г. законодательство о религиозных культах не только недемократично, но и зачастую произвольно нарушается представителями власти. В этой связи архиепископ Кирилл заявил: «Я не сторонник закона 1929 г., но я его защитник!». Отмечая несправедливость положения ст. 52 Конституции СССР 1977 г. о праве граждан «отправлять религиозные обряды или вести атеистическую пропаганду», некоторые из выступавших обращали внимание на неправомерность бюджетного финансирования атеистической пропаганды в светском государстве. Что касается обучения религии детей из семей верующих, то было признано целесообразным проводить его при религиозных общинах силами официальных представителей конфессий.

Смелость критических высказываний и предложений участников круглого стола и, главное, несогласованность этого мероприятия с курирующей инстанцией вызвали острое недовольство в последней. Директору института спустя некоторое время в приказе по Академии было вынесено «замечание» за низкую

³⁹ ВНА. 1975. Вып. 17 (подготовлен учеными СССР и ПНР); Строительство социализма и утверждение научно-материалистического, атеистического мировоззрения. М., 1981 (это советско-монгольский коллективный труд); и др.

трудовую дисциплину его сотрудников, а с 15 января 1990 г. он был освобожден от должности.

В 1990–1991 гг., в условиях радикальной смены государственной вероисповедной политики, свертывания партийного курса на атеистическое воспитание населения, в атмосфере идеологического плюрализма в коллективе института укрепилось желание скорректировать его название. В приказах по Академии этого периода официальное его название порой перемежается с записью: «Институт религиоведения и атеизма» (например, от 3 июня 1991 г. за № 622; от 7 июня 1991 г. за № 650). Одновременно шел поиск нового названия основного издания института – журнала «Вопросы научного атеизма». Наконец, 4 июля 1991 г. был издан приказ № 768: «В соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 7 марта 1991 г. (“О реформе системы научных и учебных заведений КПСС”) в целях качественного улучшения содержания научно-исследовательской работы и подготовки кадров высшей квалификации в области религиоведения приказываю:

1. Реорганизовать Институт научного атеизма в Институт религиоведения.
2. Назначить директором Института доктора философских наук, профессора Филимонова Э.Г.
3. Поручить директору Института до 15 июля 1991 г. внести в ректорат предложения о структуре и штатах Института религиоведения, имея в виду повышение ставок и окладов по источникам бюджетного финансирования в пределах существующего фонда заработной платы.
4. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на первого проректора Пономарева Л.Н.»⁴⁰.

Однако Институт религиоведения не просуществовал и года, разделив участь АОН ЦК КПСС, прекратившей деятельность в соответствии с Распоряжением Президента РСФСР «Об учебных и научных учреждениях ЦК КПСС, ЦК Компартии РСФСР, крайкомов и обкомов КПСС» от 5 ноября 1991 г. № 73-рп. В структуре новой Российской академии управления (РАУ), созданной на базе Академии общественных наук, Институт религиоведения не предусматривался. В апреле 1992 г. его сотрудники были уволены, некоторая их часть перешла в различные подразделения новой академии, остальные рассеялись по учебно-научным и другим заведениям Москвы.

Деятельность Института научного атеизма / Института религиоведения – важный этап в истории отечественного религиоведения. Ее серьезное изучение – не только заслуженная дань уважения к нашим предшественникам, но и необходимое условие самопознания.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 606. Ед. хр. 2386. Л. 10.

* * *

За годы функционирования Института научного атеизма / Института религиоведения в нем в разное время работали на штатной основе около 80 человек. В их числе более 50 человек – в должностях старших и младших научных сотрудников: И.Ш. Алискеров, Г.Л. Андреев, Л.А. Андриенко, А.И. Ардабьев, В.Н. Башилов, Л.А. Баширов, Л.Н. Великович, И.А. Галицкая, О.В. Гаман, М.М. Григорьян, Н.И. Губанов, С.В. Дерюгин, М.Я. Задорожная, Ю.П. Зуев, С.И. Иваненко, А.С. Иванов, А.И. Ионова, А.Н. Ипатов, Г.М. Керимов, И.М. Кичанова, Б.Н. Коновалов, В.М. Кувенева, В.А. Кулинченко, Л.П. Курпакова, Р.А. Лопаткин, Г.С. Лялина, Р.Р. Мавлютов, В.П. Мазалова, И.А. Малахова, И.Т. Медведева, В.В. Мельников, Д.В. Микульский, В.Ф. Миловидов, Н.А. Наумов, Г.А. Носова, Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, М.М. Персиц, Р.Ф. Петренко, В.Г. Пивоваров, Ю.Б. Пищик, А.П. Порываев, Е.С. Сафронова, А.Д. Сухов, В.Д. Тимофеев, И.П. Тинякова, Н.Ю. Титов, Н.А. Трофимчук, Т.О. Цербаев, С.Ш. Шамухамедова, В.Д. Шевель, В.Н. Шердаков, И.Б. Ястребов.

Научно-организационную работу по издательской деятельности, подготовке и проведению конференций, круглых столов, обеспечению учебного процесса и т.д. в разные годы выполняли В.И. Бережная, Н.П. Бореева, О.И. Гордеева, В.Г. Демидов, Р.Д. Зубкова, С.Н. Ковтун, В.А. Кондаков, В.Э. Конкина, В.П. Копп, Ю.Д. Красовский, Г.Е. Луковникова, И.Ю. Николаева, Г.А. Нуриджанов, И.И. Рощина, П.Ф. Руденко, Г.А. Соловьева, С.Ц. Степанян, Т.И. Трифонова, Л.А. Федосеева, Р.Р. Шаткувене; секретари-машинистки Т. Н. Еремина, И.Н. Сергеева, Н.Е. Старостина, М.М. Шибаква.